

И. Инишев

1. Философия языка по ту сторону «лингвистического поворота»

В нижеследующем речь пойдет о некоторых итогах, или о заключительной стадии, так называемого «лингвистического поворота», произошедшего в первой трети прошлого века в аналитической философии и феноменологии. Известно, что «лингвистические линии» в феноменологии и аналитической философии репрезентируют лишь часть их достаточно широкого тематического спектра. Тем не менее, они оказали всеобъемлющее влияние на каждую из этих теоретических стратегий, а также на всю философскую и гуманитарно-научную культуру современности.

Мы схематично изложим свое понимание истоков и последствий феноменологической версии «лингвистического поворота». В качестве основных представителей этой версии мы будем рассматривать философско-герменевтические концепции Ханса Липпса и Ханса-Георга Гадамера. Фоном для наших рассуждений послужит теория речевых актов Джона Л. Остина, репрезентирующая аналитическую линию в современной философии языка. Главный вопрос, который станет предметом нашего обсуждения, звучит следующим образом: остается ли выражение «лингвистический поворот», изобретенное Густавом Бергманом и введенное в оборот Ричардом Рорти, актуальным и по сей день? Не следует ли, скорее, признать, что сегодня оно в меньшей степени, чем когда-либо отражает актуальное положение дел в современных философских исследованиях?

Наш основной «исторический» тезис можно сформулировать следующим образом: последовательное сосредоточение современной философии на феномене языка ведет к постепенной трансформации первоначального предметного поля философско-лингвистического исследования вплоть до его полного исчезновения. В институциональном отношении эта парадоксальность современного лингвистически ориентированного философствования имеет двойное выражение. С одной стороны, она означает выход философского рассмотрения языка за дисциплинарные рамки традиционной лингвистики (философии языка) и обращение его к другим тематическим областям. А с другой стороны, в иных случаях, тематизация языка сама оказывается *следствием* развития логики такого исследования, которое первоначально не было ориентировано на проблематику языка.

Именно эта – двоякая – парадоксальность и характеризует становление постаналитической философии повседневного языка, с одной стороны, и постфеноменологической герменевтики, с другой.

Что касается *аналитической философии языка*, то произошедшая в ней постепенная радикализация «лингвистического поворота» – от философии логического анализа к философии «нормального» языка – привела, в конечном итоге, к выходу за пределы языка как замкнутой тематической области. Иными словами, «поворот к языку» обернулся поворотом к разнообразным формам опыта мира, не обладающим, по меньшей мере, *явными* языковыми чертами. При этом следует подчеркнуть, что поворот к проблематике мира, социального действия, коммуникации и проч. был мотивирован самой логикой первоначального проекта, ориентированного исключительно на исследование языка, которое было направлено на разработку адекватной, т.е. нередукционистской теории значения.

Это «обмирщение» аналитической философии языка имеет, по меньшей мере, два аспекта:

Во-первых, прагматическая и коммуникативно-теоретическая трансформация аналитической философии языка ведет к постепенному размыванию привычных дисциплинарных, соответственно, *тематических* контуров лингвистической философии. Речь идет о той линии в аналитической философии языка, которая ведет от истинностной семантики Фреге и раннего Витгенштейна к языковой прагматике Дэвидсона и Брэндома. Следует подчеркнуть, что «семантический» и «прагматический» аспекты не образуют здесь – как в традиционной лингвистике – дискретной связи. Связь между ними, напротив, отличается континуальностью. Другими словами, теперь эти аспекты располагаются в одной плоскости.

Во-вторых, – и это уже касается *методологического* аспекта – данная трансформация ведет к расширению понятия «аналитического». «Аналитическое» теперь не только не уместается в тесные рамки логического анализа, но и трансформируется в своего рода «дейктическую» методологию, или метод экземплификации. К области «аналитического» теперь относятся не только высказывания, сформулированные и записанные на логически безупречном и отличающемся однозначностью языке, но и все те суждения, которые способствуют *прояснению* соответствующей проблемы. Т.е. в том числе и высказывания обыденного языка, характеризующиеся, как известно, окказиональностью и многозначностью. То, что ранее – в философии логического анализа языка – рассматривалось как объект критики, теперь само надделено критически-проясняющей

функцией. Говоря иначе, обыденный язык перестал быть исключительно объектом анализа. К этой, прежней, его функции добавилась функция *среды* самой «аналитической» деятельности. Сам анализ языка – не только объект анализа – обрел черты разнообразно фундированной коммуникативной практики. Как следствие, это привело к усилению роли литературно-риторической составляющей в исследовательской работе философа-аналитика. Вопросы стратегии изложения, вопросы стиля отныне переплетены с тематическими вопросами. Этот род связи «тематического» и «перформативного» особенно характерен для «позднего» Витгенштейна и Остина. В работах этих исследователей мы сталкиваемся не столько с описанием или анализом, сколько с инсценировкой предмета. Эта методологическая особенность современной аналитической философии языка позволяет говорить о наступлении эпохи постаналитической философии.

В *философской герменевтике* в основании тезиса о взаимосвязи семантического и прагматического измерений языка лежит не трансцендирование семантики в направлении внутримировых социальных практик, а, напротив, «семантизация» мира, основания которой были заложены еще в «до-герменевтической» феноменологии Гуссерля. Тематизация языка – результат имманентной трансформации основной проблематики феноменологической философии: вопроса о первичной феноменальности, или вопроса о первичном опыте мира, который, как оказалось впоследствии, представляет собой лишь обратную сторону первичного опыта языка.

Взаимосвязь мира и языка дает о себе знать в различных формах человеческого поведения: от познавательно ориентированного наблюдения и научного дискурса до эстетического восприятия и чтения литературы. В восприятии языковое измерение нашего опыта выступает в роли его имплицитного – генетического – основания, делающего возможной визуальную и дискурсивную идентификацию разнообразных объектов, соответственно, дифференциацию содержаний опыта. В различных формах эксплицитного языкового опыта – от теоретического дискурса до лирики – языковое измерение, напротив, демонстрирует свой креативный потенциал: способность делать *зримым* предмет дискурса или какой-либо иной языковой *презентации*. Тем самым с герменевтической точки зрения, смысловое и визуальное с необходимостью перетекают друг в друга в обоих направлениях.

Нетрудно заметить, что векторы имманентного развития феноменологии и аналитической философии языка противоположны: если аналитическая философия языка в своем тематическом развитии двигалась от научного языка к повседневному миру, то

феноменология – от объективного мира к коммуникативной и поэтической речи. Но, несмотря на то, что как в аналитической философии, так и в феноменологической герменевтике отстаивается наличие *структурной* связи между перцептивным и языковым опытом, соотношение мира и языка все еще остается одной из наиболее острых проблем современной постметафизической философии. По-прежнему, как нам представляется, актуальна задача преодоления гетерогенности философских трактовок мира и языка, соответственно, представления о гетерогенном характере опытов, основывающихся на восприятии, с одной стороны, и опытов, связанных с языковой коммуникацией, с другой.

«Систематический» тезис, который мы намереваемся отстаивать в дальнейшем, звучит следующим образом: одним из наиболее перспективных направлений решения проблемы постаналитической/постгерменевтической философии языка – проблемы позитивной, т.е. недualiстической и нередукционистской характеристики соотношения мира и языка – является корректировка парадигмы, в ориентации на которую осуществляется вышеупомянутое трансцендирование языка. Эта корректировка, с нашей точки зрения, должна состоять в переходе от парадигмы (социального) *действия* к парадигме (трансцендентального) *медиума*. Несмотря на то, что как в языковой прагматике, так и в феноменологической герменевтике в равной степени осуществляется выход за пределы представления о языке как замкнутом регионе, лишь в герменевтике ставится принципиальный вопрос о специфической *топике* «трансцендирования» языка: где именно оно осуществляется, и каков его вектор? Важность этого вопроса, с нашей точки зрения, заключается в том, что в его горизонте нейтрализуется нивелирующее воздействие тех – большей частью имплицитных – категориальных рамок, которые легитимируют традиционное *разделение* – не аналитическое *различение* – мира и языка, ставшее в современной философии столь проблематичным. Кроме того, только при условии принятия во внимание топического измерения языкового опыта становится возможным уяснение креативной, или «мирораскрывающей», функции языка.

2. Медиалистская трактовка языка в феноменологической герменевтике

Таким образом, возможность нередукционистской теории языка неразрывно связана с возможностью такой теоретической позиции, которая располагалась бы по ту сторону лингвизма и прагматизма, или, говоря иначе, по ту сторону лингвистического фундаментализма и натурализма. Основания этой позиции, как нам кажется, и были разработаны в общих чертах – по преимуществу имплицитным образом – в «философии

нормального языка» (постаналитической философии) и «философской герменевтике» (постфеноменологии). Язык в постаналитической и постфеноменологической философии – это не только предметный *регион* и методологическое *априори*, но и нетематический, или «спекулятивный», *медиум* исполнения коммуникативного опыта, частью которого является сама философско-лингвистическая рефлексия. Из этого, помимо прочего, следует тезис о взаимосвязи медиальности и перформативности, который служит переходным звеном от парадигмы действия к парадигме медиума. Рассмотрим основания этого тезиса.

2.1 Перформативность

Мотив перформативности, разработанный Джоном Остином в его «теории речевых актов», составляет неотъемлемую часть «прагматического поворота» в аналитической философии языка, инициированного Витгенштейном в 30-х годах прошлого века. Этот поворот, объединивший в единый тематический комплекс семантику и прагматику, и стал, как известно, отправным пунктом формирования так называемой «философии нормального языка», или – впоследствии – постаналитической философии. И, тем не менее, несмотря на их генетическую связь, другими словами, несмотря на то, что оба они индицируют трансцендирование семантики в направлении прагматики, прагматический и перформативный аспект языка репрезентируют различные измерения языкового опыта.

Известная сентенция Витгенштейна из §44 «Философских исследований» – «значение слова это его употребление в языке» – выражает, как нам представляется, прагматический, но не перформативный аспект языка. Прагматический аспект подразумевает, прежде всего, переплетенность языковых и внеязыковых форм опыта. Произнесение слов, с точки зрения Витгенштейна, – несамостоятельная часть разнообразных социальных практик, каждая из которых в своей целостности образует своеобразную «форму жизни». Понимание языковых выражений во многих случаях подразумевает не формирование соответствующего представления в сознании, а направленное вовне *действие*. Из понимаемого таким образом *прагматического* аспекта языка проистекают конститутивные для современной теории языка следствия: 1) приоритет «содержательно-фактического» измерения языкового опыта перед «формально-структурным» (несоизмеримость различных «языковых игр»), 2) экстернализм и интерсубъективность языковых значений, 3) холизм и 4) итеративность коммуникативной речи.

Чтобы пояснить, почему среди черт витгенштейновской теории языка не встречается перформативизм, попытаемся схематично изложить основные различия между теорией

Вопросы философии, 2009, №4. М. 2009. С.168-175.

языковых игр Витгенштейна и теорией речевых актов Остина, представленной в его гарвардском лекционном курсе 1955 года, который был впоследствии опубликован под названием «How to do Things with Words».¹

Во-первых, при разработке своей концепции Остин руководствовался по преимуществу классификаторскими намерениями. Первоначально его концепция, в отличие от концепции Витгенштейна, была нацелена не на решение основополагающей для теории языка проблемы значения, а на разработку более адекватной и дифференцированной типологии высказываний. Во-вторых, она ориентирована на *эксплицитные* формы речи, в то время как Витгенштейн опирается в своей теории по большей части на разнообразные формы *имплицитных* «высказываний», интегрированных – вплоть до полной утраты ими какой-либо самостоятельности – в соответствующие социальные практики. В этом пункте размышления Остина остаются в плоскости специфически языковых действий, в то время как Витгенштейн, с нашей точки зрения, тяготеет к растворению языкового действия в социальных практиках, оперирующих с вещами «внешнего» мира.

Различение между перформативными и констативными высказываниями, вводимое Остином с первых же страниц его гарвардских лекций, кажется поначалу лишь частным случаем витгенштейнианского тезиса плюрализма языковых игр. Тем не менее, как нам представляется, «генерализирующая» установка позднего Витгенштейна, нацеленная на экспликацию основополагающего для семантики социально-прагматического аспекта, упускает из вида важную особенность перформативных высказываний, обнаружение которой не осталось без последствий для понимания языка как такового. В отличие от форм речи, интегрированных в разнообразные социальные практики, или, по выражению Витгенштейна, в «формы жизни», перформативные высказывания не растворяются в мире, и не просто демонстрируют свою автономность, но, напротив, обладают по отношению к «внешнему» миру творческим потенциалом. Так называемые «эксплицитные перформативы» – высказывания, осуществляемые в контексте исполнения разнообразных ритуалов: от церемонии бракосочетания до оглашения приговора – не просто сопровождают известные процессы во внешнем мире, но *производят* изменения в нем. При этом изменения происходят не вследствие достижения «пропозиционально дифференцированного взаимопонимания» (Хабермас), а посредством *произнесения* определенных фраз в определенных условиях.² В итоге, «внешняя», или «материальная»,

¹ Austin J.L. How to Do Things with Words. Cambridge, 1962.

² В этом отношении, как нам кажется, Хабермасова интерпретация изначальных перформативов как (всего лишь) институционализированных речевых актов оказывается не вполне удовлетворительной. Такая интерпретация игнорирует креативный потенциал изначальных перформативов, которые со своей стороны оказывают продуктивное воздействие на соответствующие институты, будучи одной из важнейших основ их

сторона играет в подобных высказываниях ключевую роль, подчеркивая специфический смысл их перформативности. Специфичность перформативности этого рода состоит в том, что в отличие от простой процессуальности и транзиторности, она заключает в себе момент инсценировки. Эксплицитные, или изначальные, перформативы невозможно парафразировать или произнести в отрыве от соответствующих внешних условий, *структурно* связанных с обстоятельствами самого их исполнения. Перформативы – не способы *трансляции* смысла, но способы *производства* действий, в результате которых мир, репрезентируемый данным сообществом участвующих в исполнении ритуала, меняется, по меньшей мере, в некоторых из своих аспектов.

Таким образом, «перформативная материальность» оказывается одним из основных мотивов медиалистской трансформации прагматистски и коммуникативно-теоретически ориентированной философии языка.

2.2 Медиальность

Одним из наиболее интересных протагонистов этой версии медиализации философии языка является берлинская исследовательница Сивилла Кремер (Sybille Krämer). В нашем схематичном изложении и нашей тезисной критике этой линии трансформации философии нормального языка мы будем опираться на одну из ее программных статей.³

2.2.1 Материальная медиальность

То, что мы выше рассматривали как проблему гетерогенности опыта мира и опыта языка, Кремер формулирует как проблему «онтологии двух миров» (Zwei-Welten-Ontologie). Эта онтология состоит в общих чертах в разделении двух ипостасей языка: формально-структурной и материально-содержательной. С точки зрения Кремер, представление о языке, согласно которому фактическое осуществление высказываний следует контрафактическим правилам, заключает в себе редукционистские следствия. Эти следствия – Кремер использует для их выражения термины «виртуализация» и «идеализация» языка – состоят, по меньшей мере, в том, что разделение языка на две ипостаси – язык как структура и язык как действие – игнорирует измерение языка, которое не вписывается в тесные рамки семиотических категорий, которое, другими словами, не описывается в терминах репрезентации. В наиболее чистом виде это измерение воплощено как раз в тех формах речи, которые Остин называет изначальными или

функционирования.

³ Krämer S. Sprache – Stimme – Schrift: Sieben Thesen über Performativität und Medialität // Paragrana 7. Akademie Verlag: Berlin, 1998.

эксплицитными перформативами. Эти формы речи, по мнению Кремер, репрезентируют идею языка, «в котором укоренены представления о компетенции и перформансе», локализуемые традиционной лингвистической теорией в различных плоскостях. Эта идея уже не руководствуется представлением о «чистом, гомогенном, виртуализированном языке».⁴ Для обозначения этой идеи Кремер избирает выражение «воплощенный язык», которое – в негативной формулировке – подразумевает, что «не существует языка по ту сторону ситуированного в пространстве и времени исполнения его голосовой, письменной или жестовой артикуляции».⁵ В итоге, медиальная, т.е. материальная составляющая становится конститутивной для языка как такового: «... медиумы конститутивны для человеческой языковой способности, поскольку различные медиумы раскрывают всякий раз разнородные языковые практики». Например, медиумы голоса и письма выступают в роли генетических истоков современного представления о языке как инструменте коммуникации.

Посредством подобной «универсализации» Кремер пытается преодолеть партикуляризм «теории перформативов» Остина, которая, как известно, во многих чертах существенно отличается от универсалистской «теории иллокуций». Эту теорию Остин излагает, начиная с 7-й лекции, рассматривая ее – как нам кажется, не по праву – в качестве корректировки первоначальной концепции перформативов. Перформативное измерение, которое в теории иллокуций, казалось бы, становится универсальным, теряет свою главную отличительную черту, а именно эвокативность, или способность вызывать к присутствию новые миры, реконфигурировать действительность и т.д. «Перформативное», по нашему мнению, в этой части гарвардских лекций «деградирует» до «прагматического».

При всей продуктивности подхода, развиваемого госпожой Кремер, он имеет и свои слабые стороны. Перечислим основные из них:

1. Деструкция «онтологии двух миров» в теории языка оставляет без внимания наш главный вопрос, который мы рассматриваем как «краеугольный камень» идеи философии языка за пределами «лингвистического поворота». Речь идет о проблеме позитивного преодоления категориального *разделения*, или гетерогенности, мира и языка. Местоположение «воплощенного языка» по версии Кремер остается неопределенным. Это, на наш взгляд, следствие другого «ограничительного момента» в концепции Кремер: трактовки медиума и медиальности.

⁴ Ibid, S. 37.

⁵ Ibid, S. 39.

2. Представление о медиальности, которого придерживается Кремер, располагается между двумя альтернативными теоретическими позициями: между концепциями медиальности Маршалла Маклюэна и Никласа Лумана. Если первый из них понимает медиум в смысле технического посредника между человеком и миром, то второй в смысле чистой потенции, нуждающейся всякий раз в артикуляции (т.е. в «форме»). Медиальность перформативной речи в концепции Кремер, с одной стороны (в отличие от медиальности в трактовке Маклюэна), остается недоступной никаким интервенциям со стороны субъектов, поскольку интегрирует их в сообщество, минуя инстанцию их коммуникативных компетенций.⁶ С другой стороны (в отличие от медиальности в трактовке Лумана), перформативная медиальность воплощена в конкретных, доступных тематизации медиумах, например, в звуковой и графической составляющих языка. Тем самым в основе модели медиальности, на которую опирается Кремер, лежит синтез парадигм Маклюэна и Лумана, синтез посредничества и воплощенности. Это находит свое выражение в том, что данный тип медиальности разворачивает свое обуславливающее воздействие в плоскости социального взаимодействия, т.е. в плоскости взаимоотношений между субъектами, но не в плоскости отношения сообщества к миру.

2.2.2 Спекулятивная медиальность

Альтернативная идея медиальности, в большей степени отвечающая задаче построения концепции языка по ту сторону лингвизма (или лингвоцентризма) и прагматизма (или активизма), была разработана в феноменологической герменевтике Х. Липпса и Х.-Г. Гадамера.

Наследуя феноменологической концепции Хайдеггера, Ханс Липпс опубликовал в 1938 году свой проект «герменевтической логики», исследующей предпосылки и структуру повседневной фактической речи. Как и Остин Липпс исходит из идеи «мирораскрывающей», или креативной, функции слова.

«Язык не является простой передачей чего-то, что, будучи всего лишь «выраженным», никак не менялось бы. Слово как раз меняет ситуацию, поскольку оно ее разрешает. Можно высказывать «свое слово» по какому-либо делу на профессиональной основе».⁷

Важная отличительная черта концепции Липпса, как нам кажется, состоит в том, что для него речь – это не форма отношения к действительности, а особый модус действия в

⁶ «Медиумы причастны к возникновению смысла и значения таким образом, который не имеется ввиду субъектами речи и не контролируется ими в полной мере, но дает о себе знать в качестве не дискурсивной силы «за спиной коммуницирующих»» (Ibid.).

⁷ Lippс H. Untersuchungen zu einer hermeneutischen Logik. Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 14.

ней. Специфически языковое действие не есть своего рода дополнение к «подлинному», или «физическому», действию в «реальном мире». Выражение «действие» здесь используется отнюдь не в метафорическом смысле. Естественно, само устройство мира должно допускать нечто подобное. Мир должен быть «проницаем» для подобного рода вмешательств. С точки зрения Липпса, языковой опыт не просто каким-то образом соотносится с действительностью, но, реконструируя, пронизывает ее. В духе лингвистического прагматизма он говорит о «трансцендентности речи», подразумевая при этом неизбежный для ее исполнения выход за пределы логико-семантической плоскости в направлении мира, сконфигурированного прагматикой повседневного действия. При этом – в отличие от формальной, или истинностной, семантики – для него это трансцендирование является не эпистемической *предпосылкой* понимания смысла высказываний, а его «прагматическим» *следствием*.

«Трансцендентность речи, которую невозможно свести к какой-либо интенциональности, проявляется как раз в том, как вещи помещаются в поле зрения и берутся в оборот, соответственно, прорабатываются в языке».⁸

В терминах теории речевых актов Остина концепция Липпса нацелена на размывание границ между иллокутивными и перлокутивными силами. Соотношение языка и действительности, согласно Липпсу, преформировано тем, что он называет «концепциями», «которые имеют место лишь в исполнении как (своего рода технический – И.И.) прием»⁹. Концепции здесь – не гипотезы и не теоретические доктрины, а медиум, структурирующий до-теоретический опыт и являющийся индифферентным по отношению к различению субъективного и объективного аспектов нашего опыта. По выражению самого Липпса, «концепции представляют собой своего рода предписывающую среду (*verordnende Mitte*), изнутри которой размыкается действительность».¹⁰

Это представление о языковом медиуме как *среде* и составляет отличительную черту феноменологически-герменевтического медиализма, получившего свою систематическую разработку в философской герменевтике. Однако свой окончательный профиль герменевтическая концепция языка обрела в связи с понятием спекулятивного медиума, разработанного в третьей части программного труда Гадамера «Истина и метод».¹¹

⁸ Ibid. S. 23.

⁹ Ibid. S. 56.

¹⁰ Ibid. S. 61.

¹¹ Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 1. Tübingen: Mohr, 1986. S. 460-478.

К базовым отличительным чертам спекулятивного медиума относятся такие характеристики, как нерегionalность (1), структурное единство коммуникации и презентации (2), а также специфическая прозрачность, или собственно «спекулятивность» (3).

1) Нерегionalность среды, или медиума, языкового опыта подразумевает, прежде всего, невозможность объективации. Медиум здесь – не инструмент-посредник и не один из граничащих друг с другом предметных регионов. Медиум представляет собой первичную *сферу*, по отношению к которой невозможно занятие внешней позиции, равно как невозможны локализация внутри нее и определение ее контуров. Нерегionalность среды языкового опыта коррелирует с ее перформативностью. Языковой медиум никогда не «дан», но всякий раз «размыкается» и инсценируется. При этом – в отличие от речевых актов – языковой медиум не конституируется целенаправленной активностью участников «коммуникации», но всегда предпосылается ей. Регионализация языкового медиума – это всегда результат объективирующей дифференциации этой холистической сферы.

2) Структурное единство коммуникации и презентации означает, выражаясь метафорически, плотность и континуальность коммуникативного медиума, или структурную связь «вещи» и языка. Говорить о чем-либо в контексте повседневной коммуникации не значит ссылаться на что-то этой коммуникации внешнее. Оставаясь в медиуме исполнения речи, мы, тем не менее, «перемещаемся», моментально оказываясь непосредственно при самом «предмете обсуждения». Это обстоятельство указывает и на специфические пространственность и темпоральность опыта языка, на характерное для среды языка *пересечение* временного и пространственного измерений, на своеобразное единство пребывания и перемещения, тематизации и презентации.

3) «Спекулятивность», или рефлексивность, медиума характеризует специфический для языка способ присутствия. Подобно отражающей, или зеркальной, поверхности, медиум обнаруживает себя лишь в том случае, когда посредством него «обнаруживается» что-то другое, – то, что в этом медиуме репрезентируется. Не только опыт коммуникативной речи, но и опыт искусства характеризуются этой косвенностью самообнаружения среды опыта, или «диалектикой» явленности и скрытости.

Несмотря на то, что «неосознанность языка не перестает быть подлинным способом бытия речи»¹², роль материальности языка – звуковая, графическая, ритмическая и прочие составляющие – в этом случае не ослабевает (вопреки тезису Кремер об игнорировании материального медиума в герменевтике), а, напротив, усиливается. Гадамеровская версия

¹² Ibid. S. 409.

идеи «воплощенного языка», как нам кажется, более радикальна. Признавая, подобно Кремер и другим теоретикам, пространственно-временную (материальную) «ситуированность» осмысленной речи, Гадамер утверждает и ее «эвокативный» потенциал. Язык не только воплощен в перформативных и материальных медиумах, но и сам – в качестве спекулятивного медиума – способен вызывать их к присутствию. Излюбленным примером Гадамера в этом случае является художественная литература и особенно лирическая поэзия, которая, будучи речевой деятельностью *par excellence*, способна вызывать созерцание такой чувственной полноты и интенсивности, которая недостижима в восприятии. В этой связи Гадамер разработал учение о «внутренних органах чувств», «активируемых» лишь в отчетливо языковых формах опыта.¹³

Однако не только поэзия, но и повседневные формы опосредованного языком общежития обладают подобным «миrorаскрывающим» потенциалом: как ритуализированные формы, так и та, которую Гадамер называет подлинным, или герменевтическим, диалогом. При всех существенных различиях между этими двумя типами языкового опыта, как в том, так и в другом случае слушание языка оборачивается одной из изначальных форм опыта (материального) мира. Идея двоякой воплощенности – языка в мире и мира в языке – одна из основных черт феноменологически-герменевтического медиализма.

Таким образом, в отличие от своего учителя Хайдеггера, и подобно Остину и Липпсу, Гадамер делает своей темой разнообразные формы обыденной речи, тем самым, становясь, одним из ведущих представителей «философии нормального языка», логика развития которой ведет за пределы гипостазирования языка, характерного для современной лингвистически ориентированной философии.

¹³ См., например, серию статей в 8-м томе собрания сочинений Гадамера, посвященных проблематике литературы и чтения.